

Марина Бочарова

МЕСЯЦ БЕЗ БОГОВ

сборник историй

Марина Бочарова

Месяц без богов

«Издательские решения»

Бочарова М.

Месяц без богов / М. Бочарова — «Издательские решения»,

Сборник мистических и фэнтезийных историй. Некоторые из них случились в наши дни, как в новогоднем приключении «О Чёрном котенке Веспе». Или в истории о зловещем оборотне, который мог превращаться в предмет. Другие в былинном прошлом, подобно истории о ведьме Выюнке и её ученице Ждане. Книга понравится всем тем, кто знает, что таинственное рядом.

© Бочарова М.

© Издательские решения

Содержание

Не проклинаяте чёрную собаку!	6
Плакальщица	11
Заклятые друзья Фламеля	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Месяц без богов сборник историй Марина Бочарова

*Огромная благодарность тем,
кто поддерживал меня при написании
всех этих рассказов, Я.С. и О.Х.*

© Марина Бочарова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не проклиняйте чёрную собаку!

– Там! Человек за бортом! В чёрной воде!

Большая лодка, поднимая брызги на беспокойных волнах, летела туда, где луна не оставила своего блеска, и куда не доставали фонари в руках рыбаков. Там кто-то тонул, истошно хлопая руками по воде.

Как только мальчик оказался в лодке, он руками упёрся в доски днища и пытался откашлять всю воду, которой наглотался. Лённая крестьянская одежда на нём порвалась, на левой ноге тяжелел деревянный башмак, правая оказалась босой.

Ветер подул злее. Жёлто-красные в свете фонаря и невидимые без него брызги всё сильнее летели за борт и в лица троих мужчин. Они налегли на весла, и через десяток минут плоское дно почувствовало под собой песок. Один из рыбаков, его звали Бьёрн, взял мальчика к себе, полагая, что его жена лучше знает, что делать с детьми, чем два его одиноких приятеля. И действительно, в доме мальчишка тут же оказался завернутым в тёплое шерстяное одеяло, слегка покалывающее тело. Его мокрая одежда теперь сушилась у очага. Жена рыбака, Бьярка, с именем под стать мужу, как наседка, хлопотала над спасённым.

– Как твоё имя? – спрашивала она, подавая ему плошку с подогретым молоком.

– Игли, – отвечал тихо тот.

Хозяйка погладила его по подсыхающим чёрным волосам и заглянула в глаза. Они оказались бледно-зелёными и большими. «Какие же странные», – подумала Бьярка. Все черты лица мальчика были маленькими, будто у карликов из «тайного народца». А глаза – огромными, чужими.

– Как же ты оказался в море? – спрашивала она Игли.

– Я сам прыгнул в воду со скалы, за несколько фьордов отсюда.

– О! И зачем же тебе сигать в воду, да ещё ночью в такую погоду? – не удержался Бьёрн, сидевший рядом на кое-как отёсанном табурете.

– За мной гнался пёс. Только не простой, а призрак. Он огромный, чёрный, и глаза светятся красным!

Никто не перебил Игли, никто не хихикнул над его историей, а потому он продолжил.

– Этот пёс появлялся в наших краях время от времени. Если он показывался какому человеку, то тот быстро умирал. За мной он гнался... Я прибежал домой, но призрак загрыз мою семью. А я спасся в море.

– Мой отец однажды видел друга, – заявил сын Бьёрна, Ульв, всё это время выглядывающий из-за перегородки у кровати, – он такой был распухший и весь в водорослях! И на гнилой лодке.

– Нашёл когда вспоминать! – прикрикнул на него отец. От той встречи ему достались страшные сны и постыдная боязнь далёкой воды.

– Есть ли у тебя родственники? – Бьярка нежно прижала Игли к себе большими руками, с обветренной кожей, но ласковыми и тёплыми.

– Нет, я один остался, – вздохнул он и поднял к её лицу свои огромные глаза.

– Будь проклята чёрная собака! – воскликнула женщина, ещё сильнее обняв Игли.

– А лет-то тебе сколько? – спросил Бьёрн, прикидывая, сможет ли он помочь ему в хозяйстве.

– Мама говорила, что это моё тринадцатое лето, – ответил тот.

Так в их семье стало больше на одного ребёнка. Сын Бьёрна и Бьярки, Ульв, ровесник Игли, рос крепким и ловким. Одним словом, обычно о таких сыновьях мечтали в здешних краях. А приёмш оказался маленьким, несколько долговязым, но хитрым и с подвешенным языком. Поэтому Бьёрн порой брал его на торг, когда мимо их деревушки проплывали краси-

вые лодки купцов с разными фигурами на корме. Деревня лежала чуть вдали от Большого Торгового Пути, и потому нечастых гостей здесь любили. Ведь вместе с ними прибывали не только товары, но и новости о других землях. Этот товар шёл бойко и часто бесплатно.

Раз один крепкий рыжий купец в синем шерстяном кафтане стал рассказывать Бьёрну:

– Говорят, в деревне к востоку отсюда видели призрак всадника и его псарню. Чуть раньше – в другой деревне. Бегут они по торговому тракту и в эту сторону.

– А я слышал, что в той стороне делают хорошую шерсть, – перебил его Игли, – есть она у вас?

Торговец недовольно на него покосился, щёлкнул языком, но пошёл развязывать свои тюки с тканями.

Больше о призраке никто не говорил, и никто не вспоминал.

Закончилось лето, тёплое и короткое, началась осень, быстро завывшая холодными ветрами. Затем началась зима, пора длинных песен вечерами и починки снастей. Закончилась и она, настала весна – время хода рыбы у фьорда. Так прошёл год, за ним ещё один, и ещё...

Ночью, накануне праздника Середины Лета, завывала дворовая собака Бьёрна. Хозяин не знал, что его тихая и ласковая лохматая Большеглазка способна выть страшнее бешеного волка. Её дурной вой резал мягкую льняную ночь тупым ножом.

Проснулась Бьярка и подбежала к окну:

– Ходит кто-то? Не вижу. Как к покойнику голосит.

– Да типун тебе на язык, – встал со своей кровати сын, – пойду посмотрю.

Он распахнул дверь – собака сидела посреди двора, и, запрокинув назад голову, дико выла на безлунное небо. Злясь, что его разбудили посреди ночи, парень швырнул в неё сапогом – первым, что попало под руку. Большеглазка замолкла, уползла куда-то в сторону, но стала лишь тихо поскуливать. Тот захлопнул дверь и вернулся в дом.

Мать и Ульв легли снова спать. Но тут Игли вскочил со своей кровати и направился к двери.

– Ты куда это? – спросил сонно Бьёрн, который всё это время не желал вставать со своего соломенного матраса.

– Посмотреть, – ответил тихо Игли и вышел на порог, очень осторожно закрыв за собой дверь.

Безлунная ночь наполнялась туманом – скоро проснётся солнце. Молчало море вдали, не подавали голоса птицы, и лишь чуть слышно поскуливала собака, где-то прячась. Но тут по грунтовой дороге вблизи дома стал нарастать звонкий топот подкованных копыт. Плышались и шорох мохнатых лап. Они становились отчётливей, нарастали, стали громкими у дома, и понемногу затихли вдали. В домах на краю деревни истошно завывали собаки. Игли, вжавшийся в дверь, с трудом открыл её – всё его тело колотила судорога. В ту ночь сон не пришел к нему и не позволил отдохнуть.

Бьёрн и Бьярка старались не вспоминать о вое собаки, плохой примете. И вскоре о ней позабыли, увидев драку Игли и Ульва. Бьёрн вышел на порог рано утром как раз в тот момент, когда его сын загнул руку Игли за спину, и тот скривил рот в муке.

– А ну! Что это ещё такое?!

Парни разошлись в стороны, каждый потирал синяки на теле. Распахнув дверь так, что она ударилась о стену дома, на крыльцо выбежала Бьярка.

– Кто это начал? – сердито выкрикнула она.

– Он, – Игли указал рукой на Ульва.

– Да, – тот выпрямился и смотрел в глаза отцу, – он подошёл и стал говорить, что вы меня не любите. И что я глуп. Говорил он долго и наконец, надоел. Отец, я никому не позволял оскорбить себя или тебя. Он заслужил!

– Это правда? – Бьёрн холодно смотрел на приемыша.

– Я лишь сделал Ульву замечание. А он полез в драку. Да и ему легче меня побить, – Игли смотрел ему в глаза, прямо и не моргая.

В этот момент к нему подбежала разгорячённая Бьярка. Нежно прижав его к себе, она гневно метнула взгляд на сына:

– Что же ты его бил? Совсем себя не держишь! Он же у нас несчастный, обидеть его легко.

Тёмные волосы Игли скользили под её пальцами, большие водянисто-зелёные глаза прошили защиты. «Не бойся, все хорошо», – стала приговаривать Бьярка, будто он был всё ещё маленьким мальчиком, чуть не утонувшим в море.

Ульв плюнул в сторону, смотря на это, и, махнув рукой отцу, отправился к лодкам – рыба ждать не будет. Больше Игли от Ульва не услышал ни одного слова. Для того этот незванный ребенок стал как муха: он есть, везде ходит и суёт свой нос, но прогнать нельзя.

В дом Бьярки и Бьёрна словно заглянула Хель. Солнечные дни не несли радости, вкусная жареная рыба не вызывала довольной хозяйской улыбки, новая лодка радовала не больше старого корыта.

Бьёрн стал размышлять, не выставить ли Игли за порог. В конце концов, это он ему обязан всем. Ещё этот приёмыш стал дразнить их Большеглазку. Обычно ласковая и весёлая собака теперь при виде Игли забивалась под перевернутую лодку и оттуда следила, когда же он уйдёт. Жена же всё больше и больше нянчилась с ним, озлобляясь на него и сына. Так думал он, бредя по деревенской дороге.

– А ну, стой!

Громкий крик – и мыслей как ни бывало. Перед ним стоял взъерошенный Седой Гейр, с красным лицом и сжатыми кулаками.

– Что случилось? – оторопел Бьёрн.

– Игли порезал моего пса!

Пару лет назад старик Седой Гейр, устав от одинокой жизни, завёл себе молодого крепкого кобелька. Он гонял на огороде ворон и радовал хозяина залиvistым лаем. Теперь же, выскочив из-за зарослей можжевельника и молодого орешника у дороги, пёс жался к ногам хозяина, оставляя на вытоптанной земле кровавую дорожку. Его передняя лапа была рассечена от плеча до ступни. В этот момент на дороге показалось двое молодых парней, что под руки тащили извивающегося Игли.

– Пёс на меня набросился! – закричал он ещё издали, – посмотрите на руку!

С его костлявого запястья капала кровь и виднелся след от пары клыков.

Седой Гейр хотел побить Игли, сила была ещё при нём. Но Бьёрн остановил его, сказал, что дома решит, что с ним делать. И слово сдержал.

Вечером того же дня Бьёрн собрал всю семью у очага и весьма просто сказал, что Игли больше здесь не место. И утром он должен уйти. Бьярка стала сыпать упреками на мужа и Ульва, проклиная ту чёрную собаку... Муж с силой ударил кулаком по столу, жена замолкла и тихо ушла к своей кровати. Их сын слушал молча, глазами лишь показывая радость от решения отца.

Игли ушёл из дома на рассвете, пока все спали, взяв только свои вещи. Как только он переступил порог, проснулся Ульв и сел на свою кровать. Вот и нет больше у него братца, нет больше этого чудовища. Неужели теперь они будут жить мирно? Вот только бы маму успокоить... Но эти простые мысли остановились от слабого взвизга.

– Большеглазка, – проговорил он тихо, и босиком вышел во двор. На крепком буке вздрагивала от судорог собака, привязанная к ветке за шею. Ульв, в несколько прыжков подлетев к ней, руками порвал некрепкую веревку и взял Большеглазку на руки. Она стала поскуливать и лизать ему руки.

– Оставили тебя боги, – говорил дороге за оградой Ульв, будто там стоял Игли, – и давно.

Исчез из дома чудовищный приёмщик, потекли дни без него. Бьярка отревела своё, обвиняя отца и сына в ненависти и наговорах на Игли, но постепенно успокоилась и стала снова доброй хозяйкой. Ульв построил себе лодку и теперь только над водой давал памяти показать лицо «братца». Бьёрн не вспоминал о нём, но только до следующего лета.

В дождливый день отправился он в деревню к востоку отсюда по своим делам. Размокшая дорога – не лучшая попутчица. Раз Бьёрн упал в грязь, споткнувшись на ровном, но скользком месте. Раз прятался под придорожными нависшими глыбами от ливня... Так добрёл он до села, что лежало рядом с фьордом и пеликаньими горами. В маленькой местной таверне Бьёрн обсох, отдохнул и послушался свежих сплетен от бородатого хозяина. Сделав нужные дела и купив кое-чего для дома у местных крестьян, он покинул свою комнатку на рассвете.

Бьёрн отворил тяжёлую входную дверь и слегка поёжился. От мокрой земли шел туман, густой, поднимающийся до верхушки орешника у дороги. Будто колдуном напущенный туман.

Вдруг вдали на дороге появились паучьи лапки. Тела не было видно в тумане. Бьёрн остолбенел, но быстро увидел, что это бежит человек и несуразно размахивает руками. Рыбак всмотрелся внимательней – Игли! А за ним гнался огромный пёс со светящимися глазами.

Собака-призрак схватила его за ноги и повалила вниз, в туман. Рядом появились ещё несколько парных искрящихся точек. Вопль на мгновение вырвался из глотки человека, но тут же исчез, будто собаки растерзали этот звук.

Бьёрн забежал обратно на крыльцо таверны, спрятавшись за колонной из толстого дуба, что подпирала навес. Через пару секунд мимо него проскакал всадник-дух на чёрном коне со своими собаками. Расшитый золотом плащ висел на плечах господина, меховая шапка закрывала лоб, медальоны и меч на поясе шевелились от бега лошади. И Бьёрну вдруг стало жутко именно оттого, что звук шел только от копыт. Всадник пронёсся и сгинул, наступив на первый лучик восходящего солнца.

Рыбак же, смахнув с себя оцепенение, забежал в таверну. Хозяин там возился у очага... Все, кто проснулся в это время, побежали к дороге, где лежал мертвец. Даже в разорванном теле и покусанном лице они узнали Игли.

– Вот и попался, – довольно сказал один человек, – давно ловили!

– А что он сделал? – спросил Бьёрн.

Игли взяли за руки и за ноги пара мужчин, и понесли в сторону, а хозяин трактира стал рассказывать о нём:

– Мать и отец его были людьми хорошими. Их уважали. Но мальчишка рос странным. Уродился он такой. Собак любил вешать. Пару раз его сильно били за это... А в одну ночь он повесил своих родителей. Сам это видел! Да, вот так, выхожу от друга и вижу – веревку тянет на огромном дереве, что во дворе у них росло. А на петле уже отец болтается. Он не был тяжёлым, и мальчишке это удалось. Потом и мать туда же. Но тут появилась огромная собака из свиты ярла и погналась за ним. Он то и убежал в море, так и спасся. Пару лет не видели, а вот недавно нашли пару повешенных собак в лесу. И сразу поняли, что Игли вернулся.

– А что за ярлова собака? Усадьбы я у вас не видел.

– Эх! Как же! Вон, видишь на холме горелое место? Там она стояла. Да только лет двадцать назад сгорела. Дети ярловы новую отстроили, в другом месте. А старик стал призраком и иногда со своими псами разъезжает здесь. Они у него как на подбор были чёрные и огромные. Так, если такой пёс явится перед человеком, то ему ждать беды.

– И неужели призрак хотел наказать Игли? – любопытство Бьёрна разгоралось.

– Конечно! Незадолго до убийства его семьи в моей таверне остановился книжник. Богатый и неразговорчивый. Но как-то я увидел, что он шепчется с Игли. После этого мальчишка стал вешать собак возле усадьбы, дразнить дух ярла. А тот стал его гонять собаками. Вот и догнал наконец-то.

«Поверит ли моя Бьярка в эту историю?» – подумал про себя Бьёрн.

22—23 апреля 2012

Плакальщица

В ночной мгле не было видно ни селения, ни даже маленького огонька одинокого дома. Густел лес у пустыря, казалось, что это он съел весь свет от окон. Проглотил он и многие звуки, оставив лишь ночных хищных птиц. Но вдруг раздались шаги – лес сжался кошкой, стал вслушиваться, смотреть. Мимо шёл молодой парень в льняной белой рубахе и синем жилете, в стоптанных кожаных сапогах и с сумкой на плече, набитой сухарями. Невидимая дорожка и безлунное небо в тучах, бедное звездами, вывели его к пустырю.

Лежало тут давно позабытое кладбище. Чернели силуэты деревянных крестов, от которых веяло гнилью. Перекрестившись, парень пошел мимо них, со страхом и любопытством смотря в сторону могил. Тут он услышал всхлипывания и подвывания. Так сетуют на жизнь обиженные люди, отчаявшиеся обрести покой.

– Кто плачет здесь? – громко спросил парень. Он звука собственного голоса ему стало не так страшно.

Недалеко от него, у могил, возникла белая тень, на которой проступало лицо, прикрытое руками.

– Ах, помоги мне, – простонал призрак.

– Что стало с тобой? – участливо спросил парень.

– Убил меня тут жених. Сразу после свадьбы. Высадил меня с саней, ножом грудь вспорол и с приданным уехал. Вот у берёзы мои кости. Похорони их.

И с этими словами дева-тень стала отдаляться, зовя за собой. Парень подошёл к старой берёзе, у которой остановился призрак. Лежали среди кряжистых корней старые кости.

– Утром сделаю, о чём просишь ты, – сказал он.

Девушка вздрогнула, предвкушая радость, и растаяла во мгле. А путник отошёл в сторону и лёг на землю, положив сумку под голову вместо подушки.

Утро разбудило его яркой умытой зарёй. Прикинулся приветливым лес, выпустил птиц щебетать, выгнал пару зайцев к дороге. Парень поднялся, отряхнулся и направился к березе. Обветренные жёлтые кости лежали среди корней. В глазницах черепа проросла трава, по рёбрам ползали муравьи. Пожалел в сердце парень несчастную, да осмотрелся. Недалеко была яма, будто забытая пустая могила. В неё путник и сложил скелет, присыпал землёй, да перекрестил напоследок.

– Покойся с миром, дева, – промолвил он, – грустна была твоя жизнь. Теперь отдыхай.

Так сказал он, и прочь пошёл. А за погостом лежало село. Большое, с широкими улицами, шумным рынком, высокими кольями стен вокруг домов. Сердце путника наполнилось радостью, которая вытолкнула из него память о ночи. Будто и не было никогда вытьянки, как тут называли духов-плакальщиков.

Весьма быстро найдя рынок, парень стал спрашивать, не нужны ли кому работники.

– Мне нужен работник, – сказал один купец, торговавший тканями, – на хозяйство.

Парень осмотрел его, решая, наниматься ли к нему. Ведь он повидал много купцов. Этот был сухопарым, невысоким, с осанистой спиной, умными и хитрыми глазами, какие бывают у людей, что заплатят за работу сполна, но спустят три шкуры за тунеядство и ошибки.

– Пойду к тебе работать. Меня Демьяном зовут, – ответил новый работник.

– А меня Архип Кондратьич, – приветливо говорил купец, скаля чёрные зубы, верный простонародный признак богатства и сытой жизни.

Купец, оставив своего помощника в лавке, отвёл Демьяна к себе на двор. Дом его был с коньком и красным углом, из добротного сруба, но без украшений, какие обычно бывают на ставнях и окнах. Обычный дом с двором и хозяйством. А в хозяйстве кудахтали куры, лаял лохматый пёс-охранник, хрюкал толстый поросёнок, залиvisto кричал огромный хвостатый

петух. Демьяну отвели маленькую комнату под лестницей на второй этаж, которой ему вполне хватило. В соседней комнатке жила кухарка, очень любившая пироги, и тот самый помощник купца, хитрый и вёрткий мужик, живущий в комнате на втором этаже. На плечи нового работника легла забота о живности и мужская работа по дому.

Закончилось лето, и за осенней урожайной суетой началась зима.

Однажды в город на ярмарку приехал купец – знакомый Архипа Кондратьича. Короткие дни тогда катились к Рождеству. На улицах вырастали снежные горки и городки. Души людей ширились от ожидания праздника.

По случаю приезда гостя Демьяну было поручено заколоть поросёнка, по словам кухарки уже наевшего сала с кулак. Сделав работу и положив мясо в бочку, Демьян скинул рубаху с замаранными кровью рукавами. Скинув, он стал кутаться в зипун, и забыл про рубаху. Вспомнил про неё он только под утро. Он стал искать одежду, но не нашёл. Вот только в тот же момент из дома выбежал Архип Кондратьич, что-то держа в руках. Он с лету распахнул ворота, смотрящие на широкую улицу, и стал кричать:

– Убили купца! Демьян убил! – голос его был сумасшедший, глаза вытарщенные.

– Кто убил? Кого? – затараторили зеваки, стала собираться толпа.

– Друг ко мне вчера приехал, – рассказывал Архип, держа перед собой рубаху Демьяна, – а работник мой порешил его! Ещё кошель того спёр и спрятал где-то!

Хотел было Демьян крикнуть, что не он это, что кровь та на рукавах – поросёнка. Но несколько крупных мужиков с улицы забежали во двор и связали его. Понял парень, что висеть ему на воротах, как осиновому листу на ветке. Толпа не сжалится, а судьи нет.

– Проклинаю тебя, – выкрикнул он, – вытьянка, помоги мне!

– У нечистой силы просит помощи! – подхватил Архип, делая знак своему помощнику, который побежал в дом, – ещё и колдун!

Тут заохали бабы в платках, мужики подтащили парня к воротам. Выбежал помощник купца с верёвкой в руках, накинул её на ворота да завязал крепко. Демьян поднял глаза, увидел золотые купола церкви и понял, что душа его сейчас вырвется из тела. Минута, и он уже висел посреди ворот на крепкой верёвке. Ещё через несколько минут его сняли, толпа начала расходиться, а кухарка, всё это время смотревшая в окно, начала молиться. Не верила она в то, что работник этот убийца, не верила. Вечером позвала своего сына, что работал на другом дворе, да вместе с ним похоронила парня на том же кладбище, где ранее закопали заезжего купца. Мёрзлая земля с неохотой приняла нового нечаянного жильца. Ближе к ночи поднялся ветер, завыл, засвистел, застучав в окна живых. Днём он утих, а новым святочным вечером вновь напомнил о себе.

Сидел за столом при сальных свечах Архип Кондратьич с помощником и кухаркой, кушал кутью. Кушанье это на Рождество, и кушанье это на поминки.

– Какой ветер злой, – заметила кухарка.

Мужчины прислушались.

– И правда, – согласился купец.

Тут послышался вой, скулящий, еле слышный.

– Кто-нибудь, угмоните пса! – раздражённо бросил Архип и, топая, отправился в спальню.

Кухарка вышла в сени, накинув на плечи зелёный вязаный платок, и обнаружила собаку, забившуюся под лестницу, молчавшую. Дверь из комнаты отворилась, и ввалился сюда помощник в тёплой шубе.

– А собака-то молчала, – проговорила кухарка, глядя на него.

– Скажешь ещё! Идём на службу, – махнул он рукой и вышел вон. Кухарка потопталась на месте, раздумывая над чем-то, и вышла за дверь.

В это время в спальне Архип сладостно гремел золотыми монетами в мешочке. Насладившись ими, купец убрал деньги в ларец, что хранил под замком, да спрятал под кровать. После этого он лёг на пуховые перины и накрылся одеялом. За закрытыми ставнями тем временем вызвездилась темная ночь. Мороз все сильнее жёг лица людей, идущих на торжественную службу, да только это никого не останавливало. Не утихал ветер, набирал голос, распевался всё сильнее и сильнее. Стал ветер звуком проникать под кожу Архипа Кондратьича. Тот закрывался одеялом, но это не спасало. На какое-то время ветер улёгся, выпуская людей из церквей, выждал паузу, и заголосил. Архип отчётливо расслышал голос, в который обычно режут плакальщицы на похоронах. Всё стихло с зарёй, с колокольной радостной звонницей.

Вернувшиеся кухарка и помощник нашли купца измотанным, осунувшимся, со страхом в маленьких глазах. На все расспросы он только говорил, что не выспался, и чтоб ему не докучали расспросами. Днём он попытался поспать, что ему не удалось, а вечером пришел в спальню пораньше. Коротки зимние дни, но как темны и длинны зимние ночи! Надрывный вопль разогнал сон, подступавший к Архипу Кондратьичу. Стон, плач без перерыва терзал Архипа.

– Кто ты? – спросил он у темноты, сгустившейся около одинокой свечи у кровати.

– Не узнал ты мой голос? Ах, это мне здесь ходить, на мягкой постели спать! – сказал женский голос и вновь заголосил.

До рассвета промаялся купец в кровати, нехотя слушая ветер, проникший в комнату. Он спросил у слуг своих, не видели ли они чего странного, или не слышали. Но они только головами мотали, отвечая, что было тихо.

В другие пару ночей стон в комнате стоял тихий, всхлипывающий. Архип решил лечь в другой комнате, да разве это поможет от вытьянки!? Не прекращался стон ни на минуту. Только днём купец отрывал у сна небольшой кусочек. В другие ночи были то крики, то рёв несносный, то завывания. И плач этот стал чудиться Архипу повсюду. Скрипнет ли дверь, гавкнет ли собака – всё казалось ему ненавистным рыданием.

– Плакальщица там, – порой указывал он пальцем куда-то в сторону, дрожа сильнее осинового листа, – вытьянка!

Беспрестанный плач и стон преследовали купца повсюду. В последнюю святочную ночь Архип Кондратьич лишился ума. Стал бродить по городу в любую погоду в одной рубашке и рваных штанах. Кто-то жалел его, кто-то говорил «так ему и надо». Безумец боялся любого ветерка, при любом дуновении, даже слабом, зажимал уши и сжимался, как щенок. Порой, в тёплые спокойные летние дни, он приходил в себя, но всегда ненадолго. И тогда купцу становилось жутко и горько от того, в каком зверином виде он бродит по улицам. В один из таких дней нашли его утопившимся в реке.

21—22 августа 2011

Заклятые друзья Фламеля

Под высоким потолком крошился свет в хрустальных люстрах, падающий на футуристические витражи в окнах. Под ними тапер в белоснежном костюме играл яростно, быстро перебирая клавиши. Часто к нему подходили люди в вечерних платьях, пиджачных парах и джинсах, клали на фортепиано купюры, заказывая мелодии для танцев. Закрытая вечеринка в музее современного искусства шла третий час. Его организатор, модный ныне художник, праздновал открытие своей выставки, сидя за одним из столов и получая поздравления.

Где-то посреди зала, за столом у стены, сидел человек. Радуюсь тому, что его соседи отправились танцевать, он неторопливо ел канапе и наблюдал за праздником. Брынза, грецкий орех и клубника – странное сочетание, но оно невероятно нравилось этому мужчине. Его боковое зрение выхватило мальчика, который, стараясь быть незаметным, стаскивал с соседнего стола такие же вкусности. Да, да, его мать-актриса, с причудой о здоровой пище, как раз отвернулась...

«У Борджиа роскошней! Мда, дурацкое сравнение. На Монмартре хороши сабанту... Что ж, буду считать, что здесь недурно, – размышлял мужчина, налив себе апельсинового сока, – рассуждаю как ржавый паровоз, где рельсы лучше! Ладно, ещё немного и поеду домой».

Это человека звали Роберто. Про него все точно знали, что родился он в этой северной стране, хоть и носил имя своей южной родины. Известный автор исторических романов, не менее известный богатый холостяк, без акцента говорил на итальянском, его старом варианте, а так же ещё на семи языках. Он снялся в эпизодах у нескольких режиссёров, одевался со вкусом, не обращая внимания на пышные витрины магазинов, отличался домоседством и выбирался на всякие светские приёмы редко, по какой-то недоступной публике логике. Но публика его любила, публика его разгадывала и собирала как кубик Рубика, публика его обожала. Однако ни один человек, ни один чёрт не знал, как и чем на самом деле живет Роберто.

Его слух был на удивление других остр, из-за чего, часто невольно, он знал «секреты» очень многих приятелей и знакомых. Вот и сейчас, справа, донёсся разговор нескольких мужчин.

– Как вам выставка? – это был композитор, сочинявший треки к фильмам.

– По-моему, ерунда ещё та, – ответил пышнотелый продюсер.

– Да, согласен с вами, – протрубил третий, не знакомый писателю.

Тут к троице подошёл известный журналист крупного журнала о культуре.

– Как вам, господа, понравились картины? – поинтересовался он.

– Весьма интересные, – раздался трубный голос.

– Да, хороши, – сказал кто-то из мужчин.

Журналист сделал шаг в сторону, но, увидев Роберто, радостно улыбнулся и поспешил к нему, поздоровался за руку и сел рядом.

– Привет, почему не танцуешь? – чуть смеясь, спросил он, – ладно, ладно, если пойдёшь, тебя разорвут страждущие. Как тебе выставка?

– Тут хорошо кормят, – Роберто как раз доедал последний канапе с общей тарелки, – угощайся.

– Да уже наелся, – ответил тот, но налил себе бокал вина из бутылки, стоявшей под рукой.

– Хм, укажи, что я присутствовал, и хватит. Знаю я твоего редактора, спросит ведь строго, – он рассмеялся.

– Благодарствую, – сказал журналист, подмигнув, и, быстро отправив в рот небольшой бутерброд, попрощался и перешёл к другим столам с другими именитыми гостями.

И в этот же момент вернулись соседи Роберто по столу: профессор математики и его дочь. Учёный уселся на стуле, положив на скатерть художесные кисти рук, почти полностью скрытых рукавом белой рубашки, на примятых манжетах которой отсутствовала одна запонка. Девушка, в лёгком блестящем коротком платье на полном теле, шутя сделала Роберто замечание, что он не танцевал, предложила бутерброд... Одним словом, ей не терпелось начать разговор. Зная, что он написал несколько романов об Италии, девушка начала:

– А вы слышали, что поэт эпохи Возрождения Джузеппе Иллучини был близким другом Караваджо?

– Разве? А я об этом не слышал, – спокойно ответил писатель, одновременно поднеся ко рту бокал сока, загораживая рот.

– Они были близкими друзьями. Об этом написал итальянский исследователь в одном крупном журнале. Мне его только вчера привезли из Рима. Хотите, я вам дам почитать?

– Спасибо, но мне как раз тот журнал должны привезти, – я помню доклад вашего друга об этом поэте, – он повернулся к профессору, – вы много говорили с ним на конференции. Вы очень точно сказали, что у этого поэта друзей почти не водилось.

Старый профессор просиял, приподнял глаза к люстре, но быстро вернул взгляд на переносицу собеседника и ответил:

– В его дневниках редко упоминались приятели. Хотя Иллучини обладал бесшабашным характером, это бесспорно.

«Дневник!» – воскликнул про себя Роберто. Если бы это слово вдруг вырвалось у него, то тон голоса выдал бы упрёк за забывчивость.

Тут зазвонил в кармане пиджака телефон, он взял трубку и довольно сказал «Алло!». Дочь профессора продолжила улыбаться, но глаза немного приуныли.

– Я – отлично! Да, в скором времени. А ты где? Пока!

– Что ж, мне пора, до свидания, – распрощался писатель с гостями и быстро зашагал в раздевалку. Перед глазами встало лицо профессорской дочки, он резко шмыгнул носом, подумав: «И почему у профессоров ум великий, а вкус на женщин дурной? Караваджо, друг, как же!». Он быстро накинул на себя драповое пальто и вышел на улицу, даже не заметив, как открыл дверь.

Дороги центра столицы лежали путаным клубком, но стены старых домов переулка перегородивали путь шуму, храня тишину. Роберто поднял голову и стоял так секунд двадцать, пока первые холодные снежинки не упали ему на лицо. На мягком полотне тьмы, прилипшей к лепнинам зданий вокруг, стяжками тянулся свет от круглых фонарей на стенах. Мощёная дорога отливала золотом. Зашаркали чьи-то шаги в глубине переулка. Роберто встрепенулся из-за всплывшего воспоминания, и стал смотреть уже на рои крупинки в жёлтом свете фонарей. Он любил зиму, снег, порой думая, что переехал сюда чуть ли не ради него, после стольких лет жизни там, где в феврале ветер гоняет сухие листья или тормозит пальмы. Вздохнув, он отправился к своей машине.

София, главный редактор и владелец книжного издательства, сидела в гостях у своей подруги. Они не виделись уже давно, полгода, и потому предавалась долгим разговорам. Чайник вскипал уже пять раз. Для тоненькой женщины это был знак судьбы, ведь пять раз сегодня ей не давали поднести ко рту чашку чая или не торопясь дожевать обед. Многие её приятели и шапочные знакомые тащили к ней свои книги в надежде прослыть писателями. Редактор порой думала, что большинству из них стоило поставить памятники за отсутствие желания что-либо написать.

Ей часто слали приглашения на вечеринки. Ей часто говорили комплименты о прекрасном лице и грации. Ей часто звонили журналисты. Оттого она называла свою жизнь не «частной», а «частой». Но сейчас вся эта суэта осталась там, за окнами, проспектами, пробками. Её

подруга, Евгения, единственная знала, кто звонит на не рабочий телефон, и кто живет с ней в одной квартире.

София невольно глянула на наручные часы, маленькая стрелка на которых указывала на римскую «девять». Она не заметила, как село солнце.

– Что ж, мне уже пора, – сказала она, но не стала собираться, а достала «личный» телефон. На этот жест Евгения загадочно улыбнулась.

– Как ты там? Домой не собираешься? Я всё там же, – она улыбнулась, – возьму такси. До встречи!

– Это он? – нарочито вкрадчиво спросила подруга.

София кивнула.

– А тогда зачем такси? Заехал бы за тобой!

– Знаешь, ему ехать далеко. Мне куда приятней будет видеть его чуть менее уставшим. В конце концов, не только банкет у него сегодня был.

Тут на кухню вошла мать Евгении, дама в шёлковом халате, с седыми короткими волосами и краской для них в руке. Героиня журнального рассказа собственной персоной!

– Поверьте мне, мужчины не всегда говорят правду. До банкета он мог заниматься чем-то важным, но не работой. Я жизнь прожила, я точно знаю. Так что, не верьте так уж опрометчиво!

На это София только улыбнулась. Она вызвала такси, надела в коридоре длинное чёрное пальто и узкие сапожки, вышла в широкий двор посреди длинных рядов домов. Первые снежинки легли на её мягкие волосы и раздурмянившиеся щёки. Женщина подняла вверх большие и мудрые глаза, стала, как ребёнок, ловить языком белые крупички, думая, что в будущем она будет менять только северные страны. За столько лет жизни здесь она полюбила снег, но только сейчас чуть-чуть начала к нему привыкать. Кто-то вышел на балкон, хрустнув половичком, а в памяти Софии хрустнули, зашуршали листья плюща её уже далёкого призрачного дома у тёплого моря...

Подъехало блестящее такси чёрного цвета, по изгибам которого бежали белые огоньки фонарей. София назвала адрес, водитель сверился с картой, нажал на педаль. Мотор заурчал тихо и довольно, и они двинулись в путь. Ей нравилось с уютом устроиться в мягком салоне и смотреть на холодную улицу за окном. Сама она была настоящим виртуозом верховой езды, оставляя управление механическими конями мужчинам. Ведь не всякий колёсный транспорт проедет по горным тропам и песку, где проскачет лошадь...

Вернувшись домой, она скинула с узких девичьих плеч строгий пиджак, и, переодевшись в шёлковый халат, отправилась на кухню. Круглые часы с серебряными стрелками, «точнее Биг Бена», как говорила Евгения, предсказывали скорый стук в дверь. Как умелая гадалка, они не ошиблись – ровно через десять минут в квартире появился Роберто. Высокий, с тающим снегом на волосах и ореолом холода вокруг, одной сильной рукой он скинул расстегнутый плащ, а второй обнял тоненькую женщину. Они перебросились парой слов, взяли только что приготовленные бутерброды и чайник с чаем, и оказались в гостиной.

В углу гостиной стоял кофейный столик, чёрно-белый, с шахматной доской, прорисованной на полированной круглой крышке. «Вечером мы пьём чай вместе» – такова была их нерушимая традиция.

– Как твой вечер прошёл? – спросила София, наливая себе в красную кружечку крепкий чёрный напиток.

– На подобных посиделках обычно весело, да и хорошо кормят, – Роберто раскинулся в глубоком кресле.

– Именно поэтому ты так налёг на них, – женщина пальчиком указала на бутерброды.

– Пока доехал – проголодался. А как твой вечер?

– Обычные женские посиделки. Хотя мама подруги сказала мне, что в жизни ещё многое предстоит узнать. Она-то жизнь прожила, а я нет, – шутливым тоном говорила София, – и никогда не верить мужчинам!

– Истину, истину сказала старушка, – Роберто дожёвывал очередное любимое кушанье, – ты представляешь, а мне сегодня заявили, что Джузеппе Иллучини дружил с Караваджо.

– И кто сказал? Аспирант? – её небольшие губы весело растянулись.

– А, одна дочка учёного. Она это вычитала в итальянском журнале. Наверное, какой-нибудь молодой историк захотел славы.

– Да неужели великий и ужасный поэт не знал художника, а? – София с нарочитой угрозой заправского следователя двинулась вперёд всем телом, смотря прямо в глаза.

– Знали они друг друга, знали, только не дружили. Судьба часто сводила наши вечера в одних и тех же пивнушках. Эх, как мы дрались, – Роберто прикрыл глаза, правда, тут же открыл и продолжил рассказывать весёлые воспоминания – раз, правда, я решил донести Караваджо до его комнатухи. То ли был канун Пасхи, то ли ещё какой-то праздник. Хоть одно доброе дело надо же сделать! Так я его доволок до самой двери. В этот момент вернулся жилец из соседней комнаты. Он помог местной экономке соскрести Караваджо в комнату. Видно, он знал меня и записал в каком-нибудь дневнике, что мы друзья. Порой начинаю думать, что зря подписал свои стихи.

– Да, да, повторенная сто раз ложь становится правдой. И так который век подряд, – засмеялась София.

...Когда летописи отсчитывали пятнадцатый век, а в великих умах вертелись идеи Ренессанса, в Рим переехала богатая семья. Единственным сыном и наследником был Джузеппе Иллучини, тот самый, знаменитый в будущем поэт. Жизнь его не была скучна, перед ним было открыто много дорог, но кто же знал, что они сольются и продлятся в бесконечность на этой смертной земле!

В то же самое время незаметно жил аптекарь и алхимик Фламель. Не автор книги известной «Алхимии», а его тёзка, прославленный только среди жителей города как искусный составитель лекарств и мазей. Но на самом деле его интересовали не человеческие хвори, а тайны более тонкие, отчего в его подвале не прекращались алхимические опыты. Однажды, получив непонятную багровую жидкость во время поиска философского камня, алхимик поставил чан с ней на пол перед входной дверью в раздумьях, вылить ли её на мостовую или применить куда-нибудь. И пока он возился у стола и размышлял, через открытую дверь вошла бродячая лохматая собака. Её, голодную, притянул вкусный запах, и она, не обращая внимания на человека, стала лакать содержимое чана. Фламель в первую секунду оторопел, не ожидая увидеть здесь уличного пса, но не стал топтать и гнать животное, а принялся наблюдать, раздумывая, сдохнет он или превратится во что-нибудь. Сколько всего было намешано в том вареве!

Напившись, собака села, и, доверчиво глядя на человека, стала поскуливать, переминая грязные лапы. Аптекарь оставил её у себя, наблюдая, но делал записи лишь в своей памяти, сильно боясь чьего-то доноса в инквизицию. В тот момент, может раз за всю жизнь, в уголок его сознания закралось откровение: он случайно получил нечто неожиданное для своего разума, и ему остаётся только ждать и наблюдать. Правда, над той багровой жидкостью он продолжал ставить эксперименты, черпая её понемногу, но никаких ощутимых результатов опыты не давали. И раз, на свой страх и риск, он продал маленький флакончик покупателю, которым оказался поэт Джузеппе Иллучини.

Прошло семь лет. Чума, прокатившаяся волнами смерти и огня, да и другие болезни не тронули ни старого пса, ни поэта.

Они не изменялись, застывшие во времени. Тогда алхимик осознал, что изобрёл напиток бессмертия. Он продал его точно так же, как Джузеппе, ещё нескольким людям, желая убедиться в своей правоте, избавиться от сомнений. С ними было всё то же, что с псом и поэтом.

Тогда он выпил его сам, самый большой флакончик, жадно, коря себя за то, что не сделал этого раньше. Этого напитка вечной жизни осталась ещё одна склянка, случайно найденная Фламельом позже и перепрятанная в рабочий стол.

В тот вечер, когда алхимик жадно глотал свой бессмертный напиток, Джузеппе Иллучини смотрел на себя в зеркало, разглядывая внимательно лоб, нос, губы, глаза. Смутные образы и догадки вставали между ним и отражением, не давая ответа, пока не мелькнул уже позабытый аптекарь. Поэт припомнил ту, размером с ладонь, пузатую склянку багровой жидкости с незнакомым вкусом...

За окном лежала ноябрьская ночь, моросил скупой, но холодный дождь. Джузеппе, нервно схватив плащ, выскочил на улицу мимо своих удивлённых слуг, и, не замечая дождя, закоулками прокрался к дому аптекаря. Света в доме не было, и поэт, подтянувшись на цыпочках, заглянул в грязное оконце. Дряхлый пёс, случайно увиденный им семь лет назад, переминался с лапы на лапу посреди комнаты, поскуливал, выжидая хозяина, смотрел на дверь. Джузеппе понадобилась минута, чтобы понять, чем его опоил алхимик. Его рука легко скользнула в карман накидки и достала из потайного кармана нож, всегда лежащий там. Мелкими каплями упали секунды на мощёную камнями дорогу, как стали неспешно нарастать шаркающие шаги. Вот аптекарь с одышкой поднялся на крыльцо, вот открыл дверь...

Собака было бросилась к нему, но тут же упала на пол от удара ногой. Фламель взвизгнул от боли заломанных рук и повалился на пол. Сверху навалился разбойник, подставил холодный нож к горлу, и заговорил низко и яростно.

– Я знаю, что ты бессмертный. И я тоже, – аптекарь узнал голос поэта, – думал, я не догадуюсь о том лекарстве?! Ты мне отдашь все оставшиеся склянки. Иначе я отрежу тебе голову. Если ты после этого вдруг не умрёшь, то твоя вечная башка будет стоять у меня в подвале!

Алхимик промямлил, что сделает так, Джузеппе постепенно разжал свои руки и медленно встал, опасаясь, что тот вдруг решит орать от страха или звать на помощь. Но Фламель, кивнув, чтобы поэт шёл за ним, повернулся к двери в подвал. Ключом, который он хранил на груди, алхимик открыл скрипящую дверь и стал спускаться вниз, чуть прихрамывая и шаркая ногами. Джузеппе последовал за ним. В просторном подвале пылился беспорядок из толстостенных кубов и реторт, книг и мешочков с ингредиентами для опытов. Фламель не копался в столе, а сразу открыл нужный ящик, достал чёрную коробочку, вынул из неё маленький флакончик, и отдал поэту. Джузеппе повертел его, открыл и понюхал, одним глазом посматривая на алхимика. Тот, сложив руки крестом на груди, показывал этим, что всё, больше у него ничего нет.

– Почему ты так зол на меня? – спросил он, – я подарил тебе вечную жизнь!

– А ты спросил меня об этом? Нет...

– Да знаешь ли ты, что такое вечность?! – вдруг выкрикнул алхимик.

– Уже начал узнавать, – низким голосом отвечал Джузеппе Иллучини, – а ты нет.

Он спрятал драгоценную склянку в плащ, поднялся обратно в комнату по шаткой лестнице, открыл дверь, бросив взгляд на пса, забившегося в угол комнаты, и вышел из дома прочь. Ночь уже перешла свой зенит. Луна и сальные фонари лили свой жёлто-серебристый свет на каменные улицы и дома. Моросил мелкий дождь.

Джузеппе побежал по задворкам, минуя свой дом, навстречу чёрному побережью. Наконец, он очутился под балконом своей невесты. Да, через день он должен был вести её к алтарю, и никто из его друзей не верил, что сорвиголова – поэт вдруг женится. Его невесте, – своей единственной дочери отец позволил выбрать мужа по сердцу, а потому она до сих пор жила с ним. Не торопился и Джузеппе. Он и она считались уже стариками для женитьбы, когда встретились...

Дикий виноград вился длинными лозами по всей женской половине дома. Джузеппе легко взобрался по нему на балкон, как матрос по канатам на мачту. Пожалуй, этим вдохно-

вился бы Шекспир. Но следующая сцена легла бы в начало романа. Невеста поверила в рассказ об аптекаре и алхимии, выпив странную багровую жидкость из рук жениха. И не умерла, как могли бы представить себе любители драм, а только почувствовала, как волна, вибрируя и покалывая, прошла по её позвоночнику. И всё. Других физических ощущений не было.

Время Возрождения породило бессчётные кварталы ведьм, где колдуны и знахарки всех мастей предлагали снадобья от всего того, что волновало всех людей во все эпохи. Но зелье бессмертия! Да, как-то раз о таком объявили, и народ кинулся сметать его с полок. После этого сожгли гору трупов, отравившихся ртутью, из которого и состояло волшебное лекарство. Вот удивился бы наблюдатель действиям девушки... Ведь это мог быть и экстравагантный способ избавиться от вдруг надоевшей возлюбленной. Но день свадьбы не омрачила поступь смерти. «Здоровья молодым!», «Долгих лет жизни!» – кричали гости, поднимая кубки с игристым вином. «Теперь вы вместе, отныне и во веки веков» – произнёс священник. Отныне и во веки веков...

Спустя многие годы они искали следы жизни тех людей, которых напоил снадобьем алхимик. Кто-то уже через сто лет покончил с собой, кто-то стал изменником родины и умер на гуманнейшем изобретении – гильотине. Несколько человек участвовали в войнах Наполеона, Русско-Японской или сражении последнего дня Византии, получив посмертно памятники и таблички с датами за закрывание собой генералов, солдат, простых местных жителей от стрел, пуль и бомб. Роберто и София, время от времени менявшие место жительства, видели всё это, но никогда не помышляли кидаться на пики, а защищали друг друга как могли. Но остался и сам Фламель со своим дряхлым псом. Последний раз они случайно встретились на размокшей весенней дороге в Альпах весной сорок пятого. Там старик купил ферму, оборудовал в подвале лабораторию и по-прежнему искал философский камень. Он и супруги общались, когда случайно сталкивались, но друг друга не любили. Фламель их – за то, что эти двое умудрялись таскать за собой своё золото ещё со времен Рима, а после положить его в банки по всему миру. Они Фламеля – за сам факт вмешательства в их жизнь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.